

Бородина Д. С. Языковая ситуация и языковая политика в Швеции / Д. С. Бородина // Научный диалог. — 2018. — № 2. — С. 25—37. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-25-37.

Borodina, D. S. (2018). Language Situation and Language Policy in Sweden. *Nauchnyy dialog*, 2: 25-37. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-25-37. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 811.113.6'272

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-25-37

Языковая ситуация и языковая политика в Швеции

© **Бородина Дарья Сергеевна (2018)**, orcid.org/0000-0003-0198-1253, докторант, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1 (Таврическая Академия), Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), dasha_tnu@mail.ru.

Излагаются результаты изучения современной языковой ситуации, сложившейся в Швеции, и языковой политики, которая проводится в стране. Актуальность исследования обусловлена тем, что аналогичные процессы создания мультиязычных и мультикультурных сообществ характерны для многих европейских стран. В ходе исследования выполнен обзор факторов, составляющих предпосылки формирования языковой политики Швеции. Новизна исследования видится в том, что разработана процедура систематизации факторов, определяющих взаимодействие компонентов языковой ситуации и языковой политики. Представлены результаты сопоставительного анализа документов, раскрывающих эволюцию языковой политики Швеции. Уделяется внимание миграционным процессам, вследствие которых перед шведским обществом встает проблема культурной ассимиляции мигрантов и использования шведского языка для межкультурной коммуникации. Представлена авторская разработка причин ослабления функции шведского языка как фактора национальной идентификации и усиления функции английского как языка интернационализации. Автор выдвигает положение о том, что языки меньшинств могут служить только как этнические атрибуты, а не как средства общения в национальном масштабе. Доказано, что языковая политика направлена на поддержание главного, шведского языка, языковую ассимиляцию мигрантов и ограничение экспансии английского языка.

Ключевые слова: языковая ситуация; языковая политика; транснациональный английский язык; языки мигрантов; взаимодействие языков.

1. Введение

В условиях глобализации и интенсивных миграционных процессов значительную актуальность в странах Европы приобретает проблема со-

существования и взаимодействия национального языка с транснациональным английским языком и с языками мигрантов. В языковой ситуации начала XXI века не только перестраивается традиционная языковая идеология европейцев, но и активно развиваются новые направления языковой политики. Показателен пример Швеции, которая в течение всей своей истории была этнически гомогенной страной, поскольку большую часть ее населения составляли шведы, а меньшую — финны, населяющие приграничные с Финляндией области, и саамы, живущие на севере страны.

В 1998 году М. Вингстедт в своей докторской диссертации характеризовала Швецию как монолингвальное, культурно-гомогенное сообщество, которое руководствуется языковой идеологией монолингвизма, ориентированной на большинство населения — «*majority-centred monolingual is ideology*» [Wingstedt, 1998, p. 343]. Однако же во второй половине XX — начале XXI веков Швеция превратилась в страну иммиграции: в 1950—1970-е годы это была, в основном, иммиграция из Скандинавии, Югославии, Греции, Италии и Турции, вызванная необходимостью пополнения трудовых ресурсов, а начиная с 1980-х годов в потоке иммигрантов преобладают беженцы из стран Азии и Африки, Косова, а также выходцы из стран Восточной Европы. По данным статистики 2017 года, около 15 % населения Швеции либо являются иммигрантами, либо растут в семьях иммигрантов, то есть шведское общество столкнулось с проблемами этнического, культурно-интеграционного, социального и языкового разнообразия, и его можно по праву назвать мультикультурным, то есть социально разнородным, включающим в себя представителей различных этносов и культур [Население Швеции].

Целью данной статьи является анализ тенденций и перспектив развития шведской языковой ситуации.

2. Языковая ситуация в Швеции

Современная языковая ситуация в Швеции непосредственно связана с общественно-политическим и экономическим развитием страны во второй половине XX века, когда правящая Социал-демократическая рабочая партия определила две приоритетные цели своей политики: внутреннюю — построить модель «государства всеобщего благоденствия» — *välfärdsstat (welfarestate)* или «дома для народа» — *folkhemmet (people's home)* и внешнюю — обеспечить авторитетную позицию Швеции как традиционно нейтрального члена европейского сообщества. По мнению Т. Милани, исследователя шведской языковой идеологии и политики, шведская национальная идентичность сложилась в течение 1970-х годов

на основе принципов интернационализма, нейтралитета, социального равенства и благоденствия, вследствие чего была ослаблена символическая функция шведского языка как фактора национальной идентификации и усилена символическая функция английского как языка интернационализации [Milani, 2007, p. 170—171].

В последней четверти XX века шведский язык вновь оказался предметом дискуссии политиков и ученых в связи с возрастающим потоком иммигрантов, главным образом, из стран Азии и Африки и необходимостью интегрировать их в шведском обществе. Дискуссия концентрировалась, с одной стороны, на важности обучения иммигрантов шведскому языку как условию их адаптации в стране и, с другой стороны, на их праве сохранять и развивать родные языки [Milani, p. 177].

3. Многоязычие шведского общества

После вступления в Евросоюз в 1995 году Швеция ратифицировала «Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств», основанную на концепции многоязычия, которое, по выражению В. М. Смокотина, «выделяется как один из наиболее ярких символов исторического, политического и культурного разнообразия Европы, и, в добавление к своему внутренне присущему символическому измерению, европейское многоязычие приобретает мандатный характер правового императива и значительность политической необходимости» [Смокотин, 2010, с. 5].

Многоязычие в шведском контексте рассматривается, во-первых, как владение шведским языком, который вплоть до 2009 года не имел законодательно утвержденного статуса государственного языка, хотя и был объектом национальных образовательных программ и стратегий. Во-вторых, шведское представление о многоязычии включает и языки меньшинств, которые воспринимаются как этнические атрибуты, а не как средства сколько-нибудь широкого общения в национальном масштабе. Многоязычие меньшинств должно рассматриваться наравне с приобретенным многоязычием большинства [Лааксо, 2014, с. 17].

В-третьих, многоязычие предполагает выбор какого-либо языка для межэтнической и межнациональной коммуникации. Особенность шведской языковой ситуации заключается в том, что в пределах страны языком межэтнической коммуникации, по определению, является язык большинства — шведский язык, преобладающий в общественной сфере (предпринимательстве, образовании, политике и управлении, в учреждениях культуры и религии).

Что касается английского языка, он не только используется в транснациональной коммуникации, но и проникает в интранациональную ком-

муникацию. Среди европейских исследователей сложилось представление о том, что многие государственные языки в современной Европе находятся в опасности, которая угрожает также многим языкам национальных меньшинств, поскольку английский язык используется в таких областях, как наука, технологии, предпринимательство, чаще, чем немецкий, французский или шведский, поэтому национальная языковая политика призвана найти способы сохранения разумного, сбалансированного и устойчивого многоязычия [Лааксо, 2014, с. 18].

Надо отметить, что именно вступление в Евросоюз и ратификация Европейской партии послужили той вехой, с которой началась разработка национальной языковой политики. Первым значительным шагом была публикация в 1998 году «Предложений по программе действий для продвижения шведского языка» (*Proposals for action programs to promote the Swedish language*) [Förslag ...], открывшая десятилетие, в течение которого было выработано шведское языковое законодательство.

В соответствии с Европейской хартией были официально признаны языки пяти этнических меньшинств: (1) саамский, финский, мянскиели (финский диалект северной Швеции) как «территориальные» языки автохтонных меньшинств и (2) идиш и романи как «не территориальные» [Regeringskansliet ...], поскольку как первые, так и вторые характеризуются «присутствием на территории Швеции» [Norrbby, 2010, p. 65].

4. Ослабление функции шведского языка

Парламентский Комитет по шведскому языку (*Kommittén för Svenska Språket*), представляющий все политические партии, подготовил проект «Цели в языке: предложения программы действий для шведского языка» (*Målimum: förslag till handlings program för svenska språket*), в котором были разработаны мероприятия по укреплению статуса национального языка и обеспечению равных возможностей его усвоения для всех граждан страны.

В проекте декларировалась необходимость защиты статуса шведского как одного из официальных языков Евросоюза. В частности, отмечалось, что языком преподавания и экзаменов в школе и университете должен быть шведский язык и его знание должно быть обязательным как для преподавателей, так и для студентов. Диссертации, написанные на каком-либо другом языке, должны сопровождаться подробным описанием на шведском [Målimum].

В преамбуле к проекту также подчеркивалось, что английский язык завоевал постоянно усиливающуюся позицию как международный язык и поэтому он становится все более важным языком в Швеции, которая

превратилась в многоязычную страну вследствие не только иммиграции, но и присвоения официального статуса пяти языкам национальных меньшинств: саамскому, финскому, мянскиели, идишу и романи [Målimun, p. 1]. Проект выделил три основных тезиса: 1) шведский должен быть полным языком, объединяющим все общество; 2) в использовании официальных органов и общественных структур он должен быть нормализованным и правильным; 3) каждый член общества должен иметь право пользоваться языком: шведским, родным (для национальных меньшинств) и иностранным [Målimun, p. 2].

Первые два тезиса, по сути дела, имплицитно отражали беспокойство общественно-политических и научных кругов по поводу того, что в течение последних десятилетий английский язык составил конкуренцию шведскому в его традиционной функции общенационального языка — в бизнесе, системе образования, средствах массовой информации. Более того, в связи с недостаточным знанием английского языка возникает угроза демократическим ценностям, которые не могут быть сформулированы достаточно полно и правильно [Norrby, 2010, p. 67—68]

Третий тезис отвечал пропагандируемой Евросоюзом политике многоязычия, и в дополнение к нему в разделе «Многоязычная Швеция» подчеркивалось, что современные языки должны получить более прочную позицию в системе образования [Målimun, p. 5], а центральное правительство должно обеспечивать доступ к изучению иностранных языков всех членов общества независимо от социального положения [Målimun, p. 8].

Проект *MåliMun* не содержал каких-либо принципиально новых положений, поскольку *defacto* шведский был символом национальной идентичности и общепризнанным языком коммуникации всех граждан страны, использовался всеми государственными и общественными институтами, то есть был «главным языком». Термин *главный язык* (англ. *The principal language*, шв. *huvudspråk*) был введен в оборот в 1990-х годах [Förslag ...] и стал предпочтительно использоваться в официальных документах в значении «национальный язык» или «государственный язык», поскольку подразумевалось, во-первых, его центральное положение в стране и, во-вторых, присутствие других языков, имеющих периферийный статус.

Исходя из положений проекта *MåliMun*, в 2005 году шведское правительство внесло на обсуждение парламента предложения по проведению языковой политики [Målimun]. Эти предложения вызвали новую волну дебатов, инициированную общественным движением *Språkförsvare* — «Защита языка», организатором которого был преподаватель шведского языка А.-П. Линдблом, считавший, что правительство оставляет без внимания

основной вопрос, волнующий многих политиков и лингвистов — распространение английского языка в интранациональной коммуникации.

О том, насколько злободневным был этот вопрос, можно судить по следующей выдержке из статьи А.-П. Линдблома «*Nog!*» — «Достаточно!» в стокгольмской газете «Афтонбладет»: «Шведский, на самом деле, является официальным языком в Швеции. Ситуация абсурдная: есть пять официальных языков меньшинств в Швеции, но нет официального языка большинства. Нежелание принять, не говоря уже о том, чтобы законодательно утвердить положение о том, что шведский язык должен быть официальным языком Швеции, связано с тем, что правительство не осознает, что главную угрозу выживанию шведского представляет английский язык... Нам нужен закон о языке, который поддержит наш лучший язык в Швеции, подведет черту и больше не позволит его вытеснять!» [Lindblom, 2005].

Опасения по поводу угрозы со стороны английского языка были вызваны тем, например, что он часто использовался вместо шведского в органах Евросоюза; многие школы стали вводить его в качестве языка преподавания; сократилось обучение другим европейским и, в частности, скандинавским языкам; увеличилось использование англицизмов в рекламе, спорте, на веб-сайтах. «Англификация» стала восприниматься как угроза не только общественным институтам, но и шведской национальной идентичности. На основе всех ранее опубликованных документов был разработан текст языкового закона [Värnaspråken ...]. В 2009 году, после десятилетней подготовки, был принят первый в истории Швеции «Закон о языке» [Språklag ...], объявлявший шведский язык официальным языком страны.

Шведский Закон о языке раскрывает «позицию и использование шведского языка и других языков в шведском обществе и ставит своей целью защиту шведского языка, обеспечение языкового разнообразия и доступа каждого человека к языку» [Språklag, Sektion 2]. В качестве главного языка шведский язык является общим для всех жителей страны, официальным и обязательным к использованию в судах и административных органах, во всех государственных и общественных институтах и в международных контекстах. Каждый житель Швеции имеет возможность изучать, развивать и использовать шведский язык [Språklag, Sektioner 4—6, 10, 13].

Нет сомнения в том, что подавляющее большинство населения говорило на шведском и до принятия «Закона о языке», а он всего лишь констатирует общеизвестные факты. Действительно, закон можно интерпретировать как символический акт, направленный на сохранение статуса государственного языка в условиях, когда он может подвергаться факторам внешнего воздействия.

5. Языковая политика в начале XX века

Один из этих факторов заключается в том, что за последние 3—5 лет Швеция подвергается невиданному наплыву беженцев из Сирии, Ирака, Сомали и Афганистана, число которых уже превысило количество всех ранее поселившихся в стране иммигрантов. Так, например, в течение 2015 года шведская миграционная служба ежемесячно выдавала беженцам от 1000 до 3000 разрешений на постоянное жительство. Шведская программа аккультурации и ассимиляции новых жителей страны намного шире, чем Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств, которая была принята, когда Евросоюз не мог предвидеть масштабов современной миграции. Программа предусматривает обучение представителей различных этносов и культур как шведскому языку, так и их национальным языкам, чтобы они могли осуществить свое право на сохранение родного языка и культуры страны исхода [Brankovic, 2016].

В связи с тем, что сегодня более миллиона жителей Швеции — это люди иностранного происхождения, говорящие на 150—200 языках и многие из них недостаточно владеют шведским, уже после принятия «Закона о языке» возникло новое направление языковой политики — обеспечение доступности информации, публикуемой государственными и муниципальными органами и общественными институтами. Чтобы помочь в коммуникации с многоязычным иммигрантским сообществом, Языковой совет разработал в 2011 году «Руководство по мультилингвальной информации» — *Vägledningen för fler språklig information*, где изложены принципы перевода на отдельные языки в режиме онлайн и использования упрощенного варианта шведского языка, за который ратуют сторонники «Движения за простой язык» — *Rörelsen för vanligt språk*. Основная цель этого направления языковой политики — учет языковых прав и потребностей иммигрантов, для которых шведский является вторым или третьим языком, в общении с такими правительственными институтами, как Служба трудоустройства — *Arbetsförmedlingen*, Агентство социального страхования — *För säkringskassan* и Налоговое управление — *Skatteverket* [Norrby, 2014, p. 24].

Очевидно, что это направление языковой политики не имеет общенационального значения, поскольку предназначено для представителей периферийного сектора шведского общества. По мнению К. Норрби, в «Заоне о языке» не говорится о том, что внешнее воздействие на шведский язык фактически исходит не от языковых иммигрантов, составляющих незначительную часть населения страны, а от расширения «присутствия» английского языка [Norrby, 2014, p. 24].

Именно за отсутствие законодательных мер, ограничивающих влияние английского языка, упомянутое выше движение «Защита языка» продолжало критиковать «Закон о языке» после его принятия. В многочисленных выступлениях и интервью лидер движения А.-П. Линдблом заявлял, что английский язык имеет неограниченные возможности для вытеснения шведского языка из сферы науки и университетского образования. Это приводит к потере доменов в отдельных отраслях знания, и на карту поставлена не только судьба языка, но и культурно-исторические ценности народа. По словам А.-П. Линдблома, как частное лицо он может использовать или не использовать английский язык по своему выбору, но закон не должен позволять, чтобы шведский язык заменялся английским в Министерстве иностранных дел и в Нобелевском Комитете, в компаниях *Ericssoni Telia-Sonera* [The Threat ..., 2010].

Однако же, как выразился шведский лингвист Л. Салё, государство говорит многими голосами — ... *the state speaks with many voices* [Salö, 2016, p. 17]. Примечательно, что к 2009 году, когда был законодательно декларирован статус шведского как государственного языка, министерство образования уже разработало и правительство приняло стратегию интернационализации университетского образования и науки, внедрения параллельного обучения в университетах, повышения конкурентоспособности научных исследований на международном рынке, где национальный язык не играет никакой значительной роли [Widmalm, 2013, p. 40].

В процессе осуществления этой стратегии «английский как транскультурный язык политики и практики интернационализации» [Hult, 2012, p. 230] естественно становится ее основным инструментом, и вопрос баланса сил между шведским и английским языками в области науки и образования предстает как конфликт интересов сторонников интернационализации, с одной стороны, и защитников традиционных ценностей родного языка, с другой [Cabau, 2011, p. 38]. В социолингвистическом ландшафте Швеции наряду с традиционной национальной языковой идеологией представлена языковая идеология интернационализации, инструментом которой служит английский язык [Sundberg, 2013, p. 206].

6. Выводы

Современная Швеция — это часть мультикультурной Европы, где политика, бизнес, образование, рынок труда и частная жизнь людей существуют в условиях языкового и культурного разнообразия, а компьютерные технологии дают неограниченный доступ к информации. В европейском контексте Швеция создает оригинальную «шведскую языковую

модель» [Sundberg, 2013, p. 205], в которой права на главный язык и языки пяти официально признанных национальных меньшинств гарантируются законом, а для иммигрантов государство предлагает упрощенный язык в административной практике, обучает шведскому как второму языку, дает возможность преподавания на этнических языках в школе.

В Швеции, как и во многих других странах Европы, официальная языковая политика связана с преобладающими в обществе представлениями языковой идеологии, на полюсах которой — языковой национализм и языковой плюрализм. Такие сторонники языкового национализма, как А.-П. Линдблом, видят в многообразии языков национальных меньшинств и языков иммигрантов временную проблему, которая может быть решена путем ассимиляции и усвоения этими секторами населения шведского языка в течение 2—3 поколений.

Сторонники языкового плюрализма, защищающие равноправие языков национальных меньшинств независимо от количества их носителей, отвергают их ассимиляцию и выступают за сохранение мультилингвизма. Что касается иммигрантов, до недавнего времени поддержка их лингвокультурной идентичности воспринималась как предварительный этап, ведущий к их интеграции в будущем. Иначе говоря, в мультиязычном и мультикультурном шведском обществе сохранение языков национальных меньшинств — обязанность государства, а сохранение языков иммигрантов обязанностью государства не является, хотя оно готово им помочь на условиях их постепенной интеграции.

Надо отметить, что в конце 2000-х — начале 2010-х годов произошел сдвиг целей и принципов шведской языковой политики: от языковой политики на общенациональном уровне, в форме законодательных актов и правительственных документов, регулирующих соотношение языков в масштабах всей страны, к более широкому ее пониманию как совокупности существующих в обществе видов языковой идеологии и языковой практики, групповых норм языкового поведения. Их можно регулировать и на них можно влиять не только на административном, но и на общественном, институциональном, региональном, локальном и межличностном уровнях.

Литература

1. *Отчет* об окончательных результатах международного исследовательского проекта ELDIA (European Language Diversity for All) [Электронный ресурс] / Й. Лаксо, С. Спилиопулу-Окермарк, А. Сархимаа, Р. Тойванен. — Европейский союз : Проект ELDIA, 2014. — 124 с. — Режим доступа : <https://fedora.phaidra.univie.ac.at/fedora/objects/o:376832/methods/bdef:Content/get>.

2. *Население Швеции*. Май 2017 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://shveciya-gid.ru/kultura-shvecii/naselenie-shvecii-chislennost-plotnost-yazik-naseleniya.html>.

3. *Смокотин В. М.* Европейское многоязычие : от государств — наций к многоязычной и поликультурной Европе / В. М. Смокотин. — Томск : Издательство Томского университета, 2010. — 178 с.

4. *Brankovic S.* Swedish language policy in action : legal rights of migrant languages during the European refugee crisis [Electronic resource] / S. Brankovic // *Linguis Europae*, 2016. — Access mode : <http://eucenterillinois-language.blogspot.com/2016/11/swedish-language-policy-in-action-legal.html>.

5. *Cabau B.* Language policy in Swedish higher education. A contextualized perspective / B. Cabau // *European Journal of Language Policy*. — 2011. — N 3 (1). — P. 37—60.

6. *Förslag till handlingsprogram för att främja svenska språket : Svenska språknämnden (Proposals for action programs to promote the Swedish language)* [Electronic resource]. — Stockholm : The Swedish Language Council, 1998. — Access mode : [ojs.statsbiblioteket.dk/index.php/sin/article/download/.../14872](https://statsbiblioteket.dk/index.php/sin/article/download/.../14872).

7. *Hult F.* English as a Transcultural Language in Swedish Policy and Practice / F. Hult // *TESOL Quarterly*. — 2012. — Vol. 46, N 2. — P. 230—257.

8. *Lindblom P.-A.* NOG! [Electronic resource] / P.-A. Lindblom // *Aftonbladet*. — Access mode : <http://www.aftonbladet.se/kultur/article333133.ab>.

9. *Målimum: förslag till handlingsprogram för svenska språket (Objectives in language: proposals for action program for the Swedish language)*. Kommittén för Svenska Språket [Electronic resource]. — Fritzes, 2002. — 593 s. — Access mode : www.regeringen.se/sb/d/108/a/1443.

10. *Milani T. M.* Voices of endangerment. A language ideological debate on the Swedish language / T. M. Milani // *Discourses of Endangerment: Ideology and Interest in the Defence of Languages* / ed. A. Duchene, M. Heller. — London : Continuum, 2007. — P. 169—196.

11. *Norrby C.* English in Scandinavia: Monster or Mate? Sweden as a Case Study / C. Norrby // *Challenging the Monolingual Mindset* / ed. J. Hajek, Y. Slaughter. — *Multilingual Matters*, 2014. — P. 17—32.

12. *Norrby C.* Swedish language policy: Multilingual paradise or utopian dream? / C. Norrby // *Multilingual Europe: Reflections on Language and Identity* / ed. J. Warren, H. M. Benbow. — Cambridge scholars publishing, 2010. — P. 63—76.

13. *Salö L.* Languages and Linguistic Exchanges in Swedish Academia. Practices, Processes, and Globalizing Markets. Doctoral Dissertation / L. Salö. — Stockholm, 2016. — 120 p.

14. *Språklag (The Language Law)*. Swedish Government [Electronic resource]. — Stockholm, Sweden, 2009. — Access mode : <http://62.95.69.3/SFSdoc/09/090600.pdf>.

15. *Sundberg G.* Language Policy and Multilingual Identity in Sweden through the Lens of Generation Y / G. Sundberg // *Scandinavian Studies*. — 2013. — Vol. 85, N 2. — P. 205—232.

16. *Swedish report on the Council of Europe Charter for Regional or Minority Language*, 2001 [Electronic resource] // Regeringskansliet (Government Registry). — Access mode : <http://www.regeringen.se/informationsmaterial/2004/04/regeringskansliets-arsbok-2001>.

17. *The Threat of the Swenglish Language* [Electronic resource] // Sverigesradio. Måndag 12 juli 2010. — Access mode : <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2054&artikel=3849242>.

18. *Värnaspråken* — förslag till språklag (Protect languages — proposed language law). Swedish Government. [Electronic resource]. — Stockholm, 2008. — Access mode : <http://www.sweden.gov.se/content/1/c6/10/09/59/4ad5deaa.pdf>.

19. *Widmalm S.* Innovation and control: Performative research policy in Sweden / S. Widmalm // *Transformations in Research, Higher Education and the Academic Market. The Breakdown of Scientific Thought* / ed. S. Rider., Y. Hasselberg, A. Waluszewski. — New York : Springer, 2013. — P. 39—52.

20. *Wingstedt M.* Language ideologies and minority language policies in Sweden. Historical and contemporary perspectives. Doctoral thesis / M. Wingstedt. — Stockholm : Centre for Research on Bilingualism, Stockholm University, 1998. — 376 p.

Language Situation and Language Policy in Sweden

© **Borodina Darya Sergeevna (2018)**, Doctor's degree seeker, PhD in Philology, associate professor, Department of Foreign Languages No. 1 (Tavrida Academy), Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky (Simferopol, Russia), dasha_tnu@mail.ru.

The results of the study of the current language situation in Sweden and the language policy, which is carried out in the country, are presented. The relevance of the research is due to the fact that similar processes of creating multilingual and multicultural communities are typical for many European countries. The study reviewed the factors that make up the prerequisites for the formation of the Swedish language policy. The novelty of the research is seen in the fact that the procedure of systematization of the factors that determine the interaction of the components of the language situation and language policy is developed. The results of the comparative analysis of the documents revealing the evolution of the language policy in Sweden are presented. Attention is paid to migration processes, which in the Swedish society give rise to the problem of cultural assimilation of migrants and the use of the Swedish language for inter-ethnic communication. The author presents the development of the reasons for the weakening of the Swedish language as a factor of national identification and strengthening the function of English as a language of internationalization. The author puts forward the position that minority languages can serve only as an ethnic attributes, not as a means of communication on a national scale. It is proved that the language policy is aimed at maintaining the main language — Swedish, linguistic assimilation of migrants and limiting the expansion of the English language.

Key words: language situation; language policy; transnational English; migrant languages; interaction of languages.

References

- Brankovic, S. 2016. Swedish language policy in action: legal rights of migrant languages during the European refugee crisis. In: *Linguis Yeuropae*. Available at: <http://eucenterillinois-language.blogspot.com/2016/11/swedish-language-policy-in-action-legal.html>.
- Cabau, B. 2011. Language policy in Swedish higher education. A contextualized perspective. *European Journal of Language Policy*, 3 (1): 37—60.
- Förslag till handlingsprogram för att främja svenska språket: Svenska språknämnden (Proposals for action programs to promote the Swedish language)*. 1998. Stockholm: The Swedish Language Council. Available at: ojs.statsbiblioteket.dk/index.php/sin/article/download/.../14872. (In Swed.).
- Hult, F. 2012. English as a Transcultural Language in Swedish Policy and Practice. *TESOL Quarterly*, 46/2: 230—257.
- Laakso, Y., Spiliopulu-Okermark, S., Sarkhimaa, A., Toyvanen, R. 2014. *Otchet ob okonchatelnynkh rezultatakh mezhdunarodnogo issledovatel'skogo proekta ELDIA (European Language Diversity for All)*. *Evropeyskiy soyuz: Proekt ELDIA*. Available at: <https://fedora.phaidra.univie.ac.at/fedora/objects/o:376832/methods/bdef:Content/get>. (In Russ.).
- Lindblom, P.-A. NOG! In: *Aftonbladet*. Available at: <http://www.aftonbladet.se/kultur/article333133.ab>. (In Swed.).
- Målimum: förslag till handlingsprogram för svenska språket (Objectives in language: proposals for action program for the Swedish language)*. *Kommittén för Svenska Språket*. 2002. Fritzes. Available at: www.regeringen.se/sb/d/108/a/1443. (In Swed.).
- Milani, T. M. 2007. Voices of endangerment. A language ideological debate on the Swedish language. In: Duchene, A., Heller, M. (eds.). *Discourses of Endangerment: Ideology and Interest in the Defence of Languages*. London: Continuum.
- Naseleniye Shvetsii. May 2017*. Available at: <http://shveciya-gid.ru/kultura-shvecii/naseleniye-shvecii-chislennost-plotnost-yazik-naseleniya.html>. (In Russ.).
- Norrby, C. 2010. Swedish language policy: Multilingual paradise or utopian dream? In: Warren, J., Benbow, H. M. (eds.). *Multilingual Yeuropa: Reflections on Language and Identity*. Cambridge scholars publishing.
- Norrby, C. 2014. English in Scandinavia: Monster or Mate? Sweden as a Case Study. In: Hajek, J., Slaughter, Y. (eds.). *Challenging the Monolingual Mindset*. Multilingual Matters.
- Salö, L. 2016. *Languages and Linguistic Exchanges in Swedish Academia. Practices, Processes, and Globalizing Markets. Doctoral Dissertation*. Stockholm.
- Smokotin, V. M. 2010. *Evropeyskoye mnogoyazychie: ot gosudarstv — natsiy k mnogoyazychnoy i polikulturnoy Evrope*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (In Russ.).
- Språklag (The Language Law)*. *Swedish Government*. 2009. Stockholm, Sweden. Available at: <http://62.95.69.3/SFSdoc/09/090600.pdf>.

- Sundberg, G. 2013. Language Policy and Multilingual Identity in Sweden through the Lens of Generation Y. *Scandinavian Studies*, 85/2: 205—232.
- Swedish report on the Council of Europe Charter for Regional or Minority Language. 2001. In: *Regeringskansliet (Government Registry)*. Available at: <http://www.regeringen.se/informationsmaterial/2004/04/regeringskansliets-arsbok-2001>.
- The Threat of the Swenglish Language. 2010. In: *Sverigesradio. Måndag 12 juli*. Available at: <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2054&artikel=3849242>. (In Swed.).
- Värnaspråken — förslag till språklag (Protect languages — proposed language law)*. Swedish Government. 2008 Stockholm. Available at: <http://www.sweden.gov.se/content/1/c6/10/09/59/4ad5deaa.pdf>.
- Widmalm, S. 2013. Innovation and control: Performative research policy in Sweden. In: S. Rider., Hasselberg, Y., Waluszewski, A. (eds.). *Transformations in Research, Higher Education and the Academic Market. The Breakdown of Scientific Thought*. New York: Springer.
- Wingstedt, M. 1998. *Language ideologies and minority language policies in Sweden. Historical and contemporary perspectives. Doctoral thesis*. Stockholm: Centre for Research on Bilingualism, Stockholm University.